

УДК 821.161.1.0

Акт рождения нового мира
в русской литературе первой
трети XX века: религиозно-
философская концепция
евразийцев

И. С. Урюпин

Московский педагогический государственный
университет

E-mail: isuryupin78@mail.ru

Научная статья

В статье в широком историко-литературном контексте рассматривается ключевая для евразийцев, общественно-философского направления русской мысли первой трети XX в., идея рождения нового мира в недрах исторически «обреченного на гибель» старого миропорядка. Особое внимание уделяется этико-онтологической доктрине евразийцев, оказавшаяся созвучной духовно-нравственным исканиям русских писателей, которые вели напряженный диалог о судьбе России, ее особой миссии в мире, об особом пути, о синтезе Европы и Азии. Революционные события 1917 года не только в философской публицистике, но и в художественном творчестве метафорически соотносятся с актом рождения, образ которого в поэзии и прозе 1920-х гг. становится чрезвычайно мифо-суггестивным, насыщенным культурными аллюзиями и реминисценциями. В контексте евразийства анализируется образ революции духа во всемирно-историческом и религиозно-метафизическом измерении. Вселенско-космический пафос революционной литературы при всей ее внешне богоборческой направленности носит отнюдь не атеистический, а религиозно-профетический характер, во многом совпадающий с пониманием революции русскими евразийцами.

Ключевые слова: Евразийство; рождение нового мира; русская революция; русская литература первой трети XX века

The act of the birth of the new
world in the russian literature of
the first third of the XX century:
religious and philosophical
concept of Eurasians

I. S. Uryupin

Moscow Pedagogical State University

Scientific article

In article in a wide historico-literary context the idea of the birth of the new world in a subsoil historically "doomed to death" old world order is considered key for Eurasians, the public and philosophical direction of the Russian thought of the first third of the XX century. Special attention is paid to the ethic and ontologic doctrine of Eurasians which was conformable to spiritual and moral searches of the Russian writers which, without belonging formally to Eurasians, in many respects shared their moods, conducted intense dialogue about the fate of Russia, her special mission in the world, about a special way, about synthesis of Europe and Asia. Revolutionary events of 1917 not only in philosophical journalism, but also in art creativity metaphorically correspond to the act of the birth which image in poetry and prose of the 1920th years becomes extremely mifo-suggestive, sated with cultural hints and reminiscences. In the context of eurasianism the image of revolution of spirit in world-wide and historical and religious and metaphysical measurement is analyzed. The universal and space pathos of revolutionary literature at all its externally godless orientation carries not atheistic, but religious профетический the character (V.V. Mayakovsky and S.A. Yesenin's poem) in many respects coinciding with understanding of revolution the Russian Eurasians.

Keywords: Eurasianism; birth of the new world; Russian revolution; Russian literature of the first third of the XX century

В предисловии к сборнику «Исход к Востоку», опубликованному в Софии в августе 1921 г. и ставшему манифестом евразийства – «особого течения русской философской и

Для цитирования: Урюпин И. С. Акт рождения нового мира в русской литературе первой трети XX века: религиозно-философская концепция евразийцев // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Том 4, № 2. С. 130–134.

For citation: Uryupin I. S. The act of the birth of the new world in the russian literature of the first third of the XX century: religious and philosophical concept of Eurasians. *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2018; 2 (4): 130–134. (in Russ.)

политической мысли» [1, с. 1], П. Н. Савицкий, размышляя о революционном катаклизме, «могущем сравниться с величайшими потрясениями, известными в истории, с основоположными поворотами в судьбах культуры вроде завоевания Александром Македонским Древнего Востока или Великого Переселения Народов» [2, с. 116], отстаивает «настоящую и грядущую» «своеобычность России» [Там же, с. 117], которой суждено открыть миру новые духовные горизонты. «Мы знаем, что эпохи вулканических сдвигов, эпохи обнажения таинственных, черных глубин хаоса суть в то же время эпохи милости озарения» [Там же, с. 118].

А потому «окаянные дни» русской революции, несмотря на всю их жестокость, иррациональную, природно-оргиастическую необузданность поистине первобытных страстей и порывов, оказываются временем рождения «нового человека», которого евразиец Л. П. Карсавин называет «симфонической личностью», точно улавливающей, подобно А. А. Блоку, в реве и гуле стихий особую гармонию – «музыку революции». «В эпоху революции субъект развития как бы разлагается и плавится, революция во многих отношениях лучше раскрывает его природу и его взаимно противоречивые тенденции, не столь резко и обнаженно выступающие в периоды мирного развития» [3, с. 193]. Такая «феноменология революции», глубоко сознававшаяся евразийцами, объясняла преобразование личности: «многие “перерождаются” в людей новой России», ибо «в смерти старой личности рождается новая, новая индивидуация высшей личности, которая не умирает и для которой революция является перерождением или рождением ею в муках новой ее выражающей личности» [Там же, с. 194].

«Революция как роды в муках, а новый мир как новорожденный младенец» [4] – эти образы, по замечанию Е. Толстой, в литературе первой трети XX в. становятся чрезвычайно идеологически и мифопоэтически насыщены. В романе А. П. Платонова «Чевенгур» (1928) Саша Дванов на станции Разгуляй оказывается свидетелем рождения младенца, который, появившись на свет «в такое время... в такое время» [5, с. 77], должен был явить собой новое, преображенное революцией человечество, выстраданное самой историей: «Человек будет!» [Там же]. «Мальчик, - довольно заявил Александр» спешащей на помощь роженице старухе, «как будто участвовал в происшествии» [Там же, с. 78], в самом таинстве появления на свет «нового человека». «Ох и тяжело рожать, батюшка» [Там же], - посоветовала старуха, обращая внимание героя на великие муки матери, через которые в мир приходит счастье: «Помни мать свою – не будь непочетником!» [Там же].

В трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (1921–1941) художественно реализуется и буквализируется сама метафора рождения нового мира через страдания, которые мужественно переносила русская интеллигенция, на протяжении всего XIX в. вынашивавшая идею духовного и социального преображения России. «Ты понимаешь», - говорил Кате Булавиной Вадим Рощин в финале романа «Хмурое утро» (1941), - «какой смысл приобретают все наши усилия, пролитая кровь, все безвестные и молчаливые муки...» [6, т. VI, с. 417]. А потому и смерть младенца в начале романа «Восемнадцатый год» (1927), родившегося у Даши «раньше срока» («Роды случились» «после страшного потрясения. В сумерки на Марсовом поле на Дашу наскочили двое, выше человеческого роста, в развевающихся саванах. Должно быть, это были те самые “попрыгунчики”, которые, привязав к ногам особые пружины, пугали в те фантастические времена весь Петроград» [Там же, с. 318]), оказывается символичной, поскольку указывает не только на искупительную жертву, принесенную на алтарь революции, но и на «преждевременность» / «несвоевременность» самой революции – точнее, тех октябрьских событий, давших волю «зоологическим инстинктам» толпы, в которых М. Горький отказывался «видеть ярко выраженные элементы социальной революции» [7, с. 99], призванной к «рождению новой России» [Там же, с. 167], а значит – и к «рождению человека», еще не виданного доселе. Этот «новый человек», о котором в самом начале XX в. мечтал «буревестник революции» в рассказе «Рождение человека», «не испытывавший мучения рабства, не искаженный угнетением», сам «неспособный угнетать» [Там же], еще только рождается «в недрах старого мира».

Не только М. Горький, хорошо осознававший, что это «тяжелые роды – в шуме разрушения старых форм жизни» [Там же], но и В. И. Ленин, которого критикует писатель за его политический радикализм, воспринимал революционные события как «особенно тяжелые муки первого периода начавшегося акта родов» [8, с. 477]. В марксистской философии

истории (при всей ее нарочитой наукообразности) ключевые идеи нередко передаются ёмкими, художественными по своей сути смыслообразами, один из самых частотных и значимых – «роды» нового, революционно преобразованного мира. В романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь» (1923) автобиографический герой Михаил Алпатов в пору своего юношеского увлечения диалектическим материализмом и народнической теорией «малых дел» в полемике с «разученейшим Осипом», революционером-теоретиком, утверждает: «У Маркса наше дело точно определено: мы должны облегчить роды истории» [9, с. 206]. «Акушеров зовут, - отвечает Осип, - когда роды начинаются» [Там же]. Такими акушерами, по мнению убежденного марксиста, и являются профессиональные революционеры, помогающие появиться на свет младенцу, символизирующему новый мир. В русской литературе начала XX в., «особенно в период революции», по замечанию А. Ф. Лосева, писатели-реалисты и критики социологического направления «не считали нужным пользоваться термином “символ”, потому что уже не верили в потусторонний мир» [10, с. 4], а между тем именно «символ», будучи «результатом *огромных обобщений действительности*» (курсив А. Ф. Лосева – И. У.) [Там же, с. 8], художественно концентрировал в ёмких образах диалектическую сложность и противоречивость бытия. Мифо-суггестивные картины революционной космогонии, появляющиеся в русской литературе первой трети XX в., имеют ярко выраженный философско-эпистемологический смысл.

В символическо-экспрессионистской панораме мироздания, представленной в «Рассказе о самом главном» (1923), Е. И. Замятин сопрягает революционные события, происходящие на Земле, с «последними» мгновениями бытия далекой Звезды, сорвавшейся со своей космической орбиты и устремившейся по направлению к нашей планете: «Я слышу, как со свистом, в сто раз быстрее, мы мчимся навстречу Земле» [11, с. 89], - говорит космическая Мать: «Я, Мать, живу тысячу кругов – я одна знаю, куда» [Там же]. Результатом этого вселенского катаклизма является акт великого рождения нового мира: «Земля раскрывает свои недра все шире – еще – всю себя – чтобы зачать» [Там же. С. 93]. В творчестве Е. И. Замятина мотив рождения нового мира является одним из магистральных, а образ матери-роженницы приобретает ярко выраженный мифопоэтический колорит. В незаконченном романе «Бич Божий» (1935) автор, осмысливая историю человечества в кризисные эпохи, проецируя современность на судьбоносное время «войн, восстаний, катастроф» [Там же. С. 369], рисует Землю накануне родов: «Она была как женщина, которая уже чувствует, что ее распухший живот скоро изрыгнет в мир новые существа – и она в страхе мечется, ее бросает в холод и в жар» [Там же]; «она, как роженица, судорожно напрягла черное чрево, и оттуда хлынули воды» [Там же, с. 370]. Так писатель, по мнению В. Н. Евсеева, осмысляет грандиозные социально-политические события, начинающие поистине новую эпоху в истории Земли, – «эру революции» как «непрерывно изменяющийся континуум, в котором апокалиптические процессы, космическое и историческое бытие, пронизанное драматическими коллизиями, чревато рождением новых миров и существ» [12, с. 85].

Вселенско-космическое измерение революционных событий для евразийцев во многом было обусловлено их абсолютной уверенностью в том, что апокалиптический хаос обязательно разрешится новым гармоническим миропорядком. В апологетической брошюре «В борьбе за Евразийство» (1931) П. Н. Савицкий обращает внимание на «первую статью о евразийстве не на русском языке», опубликованную в болгарском журнале «Везни» в 1921 г., которая заканчивалась словами: «Хаос... родит звезду. И ее сияние еще поведет, быть может, весь мир к новым пределам, к новому Вифлеему, где рождается Дух» [13, с. 6]. Так уже в самом начале 1920-х гг. стала очевидна религиозная идея евразийства. П. Н. Савицкий, размышляя о «небывалых по настойчивости попытках *угашения духа*» в большевистской России, выражал уверенность в том, что «в этих условиях евразийство должно с *новой силой* и в *новых формах* утверждать и утвердить *непреодолимость* религиозного начала и *подлинность* религиозного призвания России» [Там же] (Курсив П. Н. Савицкого – И. У.). Более того, совершившаяся в России революция с ее лозунгами воинствующего безбожия оказалась, по сути, великой религиозной драмой, открывшей миру «правду религиозных начал» [1, с. 4].

Эту драму буквально воплотил в своей «Мистерии-буфф» (1918-1921), «прямо обьявленной идейно-“религиозной” декларацией» [14, с. 424], В. В. Маяковский. Ее герои,

пройдя через горнило испытаний, страданий, через очищение от вековой грязи рабства и угнетения, устремляются «сквозь небо – вперед» [15, т. II, с. 301], к космическим далям («Мы – зодчие земель, / планет декораторы, / мы – чудотворцы», «земные улицы звездами вымостим» [Там же. С. 353–354]), поют «будущему псалмы» [Там же, с. 354]. Человекобожеский пафос литературы 1920-х гг., несмотря на риторическое богоборчество, был, в сущности, «символом веры» «новой религии», в которой, по словам лирического героя стихотворения В. В. Маяковского «Наше воскресенье» (1923), проповедуются не «писанья священные», а гений человека-творца, готового отобрать у Бога бразды правления миром: «Вырывай у бога вожжи! / Что морочить мир чудесами! Человечьи законы / – не божьи! – / на земле / установим сами» [15, т. V, с. 30]. В поэме С. А. Есенина «Инония» (1918) звучит все тот же дерзостный мотив вызова Создателю: «Даже Богу я выщиплю бороду / Оскалом моих зубов. / Ухвачу его за гриву белую / И скажу ему голосом вьюг: / Я иным тебя, Господи, сделаю, / Чтобы зрел мой словесный луг!» [16, с. 62].

Однако и у В. В. Маяковского, и у С. А. Есенина богоборчество отнюдь не отождествлялось с атеизмом – с абсолютным, онтологическим неверием, ибо поэты свято верили / веровали в саму Революцию. И сама по себе эта вера (пусть и ошибочная во многом) импортировала евразийцам. Л. П. Карсавин констатировал, что революция «всегда в истоках своих религиозна, всегда ищет правды и за правду принимает ложь» [3, с. 165]. Не было ни малейшего сомнения в том, что «основной творческий смысл революции» является «смыслом религиозным» [1, с. 3–4], и для П. Н. Савицкого. Евразийцы были убеждены в том, что революция при всей ее катастрофичности в физическом и метафизическом отношении – начало новой истории человечества, новой эры, открывающей неведомые горизонты, а потому все политические расхождения в будущем должны быть преодолены, нейтрализованы великим «синтезом» Востока и Запада. По справедливому замечанию Л. А. Трубиной, «в историческом сознании двадцатых годов» у сторонников и противников революции «задавалась новая точка исторического отсчета, события современности поднимались на уровень планетарный» [17, с. 12], с которого сиюминутной суетой казалась «русская усобица».

Только «синтез», «гармоническое разрешение противоречий» [1, с. 32], полагал П. Н. Савицкий, и есть магистральная идея евразийства – диалектического примирения противоположностей в органическом акте рождения нового мира.

Ссылки / Reference

- [1] Савицкий П. Н. Идеи и пути евразийской литературы // ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. № 44. 32 л.
- [2] Савицкий П. Н. Избранное. М.: Рос. политич. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 776 с.
- [3] Карсавин Л. П. Феноменология революции // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997. С. 141–201.
- [4] Толстая Е. Алексей Толстой в революционной Москве // Toronto Slavic Quarterly. University of Toronto Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2004. № 11. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/11/index11.shtml> (дата обращения: 14.10.2017).
- [5] Платонов А. П. Собрание: Чевенгур; Котлован. М.: Время, 2011. 608 с.
- [6] Толстой А. Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1959. Т. 5. Хождение по мукам. Кн. 1 и 2. 640 с.; Т. 6. Хождение по мукам. Кн. 3. Хлеб. 728 с.
- [7] Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Сов. писатель, 1990. 400 с.
- [8] Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Изд-во политич. лит., 1969. Т. 36. Март – июль 1918. 742 с.
- [9] Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. Кашеева цепь; Мирская чаша; Произведения 1914–1923 годов. 679 с.

- [10] Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
- [11] Замятин Е. И. Собр. соч.: В 5 т. М.: Рус. книга, 2003. Т. 2. Русь. 592 с.
- [12] Евсеев В. Н. Художественная проза Евгения Замятина: проблемы метода, жанровые процессы, стилевое своеобразие. М.: Прометей, 2003. 223 с.
- [13] Савицкий П. Н. В борьбе за Евразийство. Paris, 1931. 59 с.
- [14] Семенова С. Г. Метафизика русской литературы: в 2 т. М.: Порог, 2004. Т. 1. 512 с.
- [15] Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 2. 1917–1921. 520 с.; Т. 5. Март – декабрь 1923. Реклама 1923-1925. 481 с.
- [16] Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: Наука – Голос, 1997. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). 464 с.
- [17] Трубина Л. А. Историческое сознание в русской литературе первой трети XX века: типология, поэтика: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 44.